

Дмитрий Аверкиев

Значение Островского в нашей литературе

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Значение Островского в нашей литературе

«М. Г.! Я постоянный читатель вашего журнала и постоянно слѣжу за мнѣніями вашего критика Ап. Ал. Григорьева, гдѣ бы они не появлялись. Я даже „Якорь“, сей мертворожденный „Якорь“, читалъ пока въ немъ участвовалъ г. Григорьевъ.

Г. Григорьеву конечно, мы всѣ кой чѣмъ обязаны, ну хоть кой чѣмъ, на прим. хоть правильнымъ взглядомъ на Пушкина и Лермонтова, на комедію Грибоѣдова. Вѣдь это не совсѣмъ шутка-съ? Его взглядъ на искусство, какъ на дѣло народное, вѣрность и меткость его соображеній, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить органическое-ли произведение данное, или искусственное, дѣланное, – все это не мало прельщало меня и находило во мнѣ преданнаго читателя. Но вотъ съ прискорбіемъ я сталъ замѣчать, что онъ уклонился какъ будто въ сторону. Куда-же обратиться, гдѣ высказать свои недоразумѣнія? Долго я думалъ объ этомъ. Конечно, г. Григорьева только лѣнивый не бранить; только лѣнивый не издѣвается надъ нимъ и часто самымъ пошлѣйшимъ образомъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев**
**Значение Островского в
нашей литературѣ**
(Письмо къ редактору «Эпохи»)

М. Г.! Я постоянный читатель вашего журнала и постоянно слѣжу за мнѣніями вашего критика Ап. Ал. Григорьева, гдѣ бы они не появлялись. Я даже «Якорь», сей мертворожденный «Якорь», читалъ пока въ немъ участвовалъ г. Григорьевъ.

Г. Григорьеву конечно, мы всѣ кой чѣмъ обязаны, ну хоть кой чѣмъ, на прим. хоть правильнымъ взглядомъ на Пушкина и Лермонтова, на комедію Грибоѣдова. Вѣдь это не совсѣмъ шутка-съ? Его взглядъ на искусство, какъ на дѣло народное, вѣрность и меткость его соображеній, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить органическое-ли произведеніе данное, или искусственное, дѣланное, — все это не мало прельщало меня и находило во мнѣ преданнаго читателя. Но вотъ съ прискорбіемъ я сталъ замѣчать, что онъ уклонился какъ будто въ сторону. Куда-же обратиться, гдѣ высказать свои недоразумѣнія? Долго я думалъ объ этомъ. Конечно, г. Григорьева только лѣнивый не бранить; только лѣнивый не издѣвается надъ нимъ и часто самымъ пошлѣйшимъ образомъ.

Возьметъ одинъ, выхватитъ выраженіе изъ его статьи (а курьезныхъ выраженій у г. Григорьева дѣйствительно много и, какъ я замѣчаю, чѣмъ дальше тѣмъ больше) обезсмыслить его (потому что въ этомъ обезсмысленномъ видѣ оно для него понятнѣе) и носится съ нимъ какъ курица съ яйцомъ, статьи три по поводу сего напишетъ. Оно, конечно, хлѣбъ; и «съ малыми дѣтками» сытъ будетъ.

Другой возьметъ изъ стихотвореній вашего критика выраженіе, что "жизнь хороша" и разъ пятьсотъ его употребитъ (вѣдь это пятьсотъ строкъ, кладите хоть по три копѣйки, такъ и то пятнадцать рублей выйдетъ) для показанія, что все въ нашей жизни гнусно, а хорошъ одинъ онъ, *обличитель*, наставляющій насъ, грѣшныхъ подписчиковъ.

Ну что мнѣ къ нимъ обращаться? Что у меня съ ними общаго? Я люблю искусство, потому что люблю народъ, а они терпѣть его не могутъ, потому что для нихъ народъ "грубая масса", спасеніе которой въ пяти умныхъ книжкахъ. Не вѣрю я этому-съ. У насъ на Руси не проживешь щедушными теорійками, и зо-

лотушными мечтаньицами.

Такъ вотъ, м. г. въ какомъ я затрудненіи находился и надумалъ я обратиться съ своими замѣчаніями прямо къ вамъ. Не можетъ быть, думаю, чтобы имъ было важно одно свое, личное мнѣніе. Вѣроятно, имъ важно разъяснить явленіе, оцѣнить его достодожно и потому они выслушаютъ возраженія и со стороны. Не дураками-же они насъ, своихъ подписчиковъ, считаютъ?

Притомъ-же, самое ваше направленіе подавало мнѣ надежду. Порядочные журналы никогда не замыкались и охотно помѣщали у себя замѣчанія людей постороннихъ.

Подпишите мою статью, какъ угодно, хоть Кить Китычъ Брусковъ. По моему это личность весьма въ своемъ родѣ почтенная. Или подпишите просто: *"Одинъ изъ почитателей Островскаго"*.

* * *

Островскій, какъ извѣстно, камень преткновенія нашихъ критиковъ. Не говорю уже о тѣхъ, которые до сихъ поръ все еще разводятъ водицей остроумныя замѣчанія Добролюбова о темномъ царствѣ и о свѣтломъ лучѣ

въ ономъ. Нѣтъ, люди почтенные, люди безспорно умные, стали говорить, что Островскій, собственно говоря, не драматургъ. Кажется самое наглядное: сценичность произведеній Островскаго, ихъ успѣхъ на театрѣ, — должны-бы убѣдить ихъ въ противномъ, но по ихнему выходитъ не такъ, а почему не такъ — я никакъ въ толкъ взять не могу. Замѣчу кстати, что изъ произведеній Островскаго на сценѣ успѣха имѣть не могутъ (развѣ только исключая московской) единственно тѣ сцены изъ замоскворѣцкой жизни (напр. *Утро молодого человѣка*, вторая часть трилогіи о Бальзаминовѣ, именно *Свои собаки грызутся*), которые не возведены имъ на степень типической комедіи, хотя можетъ быть въ нихъ и заключаются черты, весьма знакомыя и потому любезныя сердцамъ нѣкоторыхъ москвичей.

Съ другой стороны, настоящій критикъ Островскаго, Ап. Ал. Григорьевъ, уклонился нѣсколько въ сторону. Онъ конечно много сдѣлалъ для пониманія этого писателя, и по поводу его выставилъ весьма важный вопросъ объ отношеніи народнаго поэта къ изобра-

жаемымъ имъ типамъ, при чемъ, по моему крайнему пониманію, критикъ рѣшилъ этотъ вопросъ яснѣе поэта; т. е. Островскій послужилъ для критики болѣе поводомъ, чѣмъ былъ дѣйствительно рѣшителемъ этого вопроса въ своей художественной практикѣ.

Далѣе г. Григорьевъ не только разсматривалъ Островскаго, какъ поэта вполне народнаго, но даже высказалъ (хотя и не на страницахъ этого изданія), что Островскій равенъ Шекспиру, что это русскій Шекспиръ. Вѣдь это страшно вымолвить, вѣдь это не пустое слово – Шекспиръ!

Что такое Шекспиръ? Вѣдь онъ не только полнѣйшій выразитель англійскаго народнаго духа, но въ тоже время выразитель внѣшней, практической жизни всѣхъ среднихъ вѣковъ, подобно тому, какъ Дантъ былъ выразителемъ внутренней, религіозной жизни этихъ вѣковъ. Вѣдь въ Шекспирѣ мы видимъ, по словамъ Карляйля, всю внѣшнюю жизнь нашей Европы, какъ она развилась тогда въ рыцарствѣ, придворной жизни, честолюбіяхъ, свѣчаяхъ и обычаяхъ; какіе имѣли тогда люди практическіе пути

мышленія, дѣйствованія, воззрѣнія на міръ. Какъ по Гомеру мы до сихъ поръ можемъ построить древнюю Грецію; такъ, черезъ много вѣковъ, въ Шекспирѣ и Дантѣ, будутъ все еще читать, чѣмъ была наша новая Европа въ вѣрѣ и практической жизни (Lectures on heroes, 260).

Стало быть, называя Островскаго русскимъ Шекспиромъ, г. Ап. Григорьевъ хотѣлъ сказать этимъ, что Островскій не только полнѣйшій выразитель русскаго народнаго духа, но и выразитель жизни новыхъ вѣковъ, этого богатаго наслѣдія, доставшагося намъ отъ Запада. Это не только не справедливо, но даже просто непростительно. Гдѣ-же новые вѣка, ихъ вѣрованія и стремленія, ихъ радости и горе, ихъ пылкія мечты и ихъ безпощадное сомнѣніе въ произведеніяхъ г. Островскаго? Всякому извѣстно, что даже и намекъ на это у него нѣтъ. И будто Островскій полнѣйшій выразитель нашего народнаго духа, нашъ высшій поэтъ? О, конечно нѣтъ! Нашъ высокій выразитель, высшій поэтъ и единственный великій русскій поэтъ (въ полномъ смыслѣ этого выраженія), – Пушкинъ. И

такъ, для того чтобы разъяснить значеніе Островскаго, нашему критику слѣдовало-бы его сопоставить съ Пушкинымъ. Быть колосомъ между нашими современными драматургами, право не великая заслуга; если на Островскаго смотрѣть *только* по отношенію къ нимъ; – но врядъ-ли такая точка зрѣнія по сердцу самому критику и его любимому поэту! Ну, вотъ и сопоставимъ Пушкина съ Островскимъ и посмотримъ: кто перетянетъ? Окажется-ли Островскій ручьемъ передъ этимъ моремъ, или оно изсякнетъ передъ нимъ?

[1]

Во первыхъ, не только внутренній смыслъ, но даже *внѣшнее* проявленіе нашей жизни нашли въ Пушкинѣ полнѣйшаго представителя, чѣмъ въ Островскомъ. Островскій изобразитель по преимуществу купческаго быта; принимаемъ объясненіе критика почему онъ выбралъ этотъ именно бытъ для изображенія, а не другой. Объясненіе прекрасное, но сущность дѣла этимъ объясненіемъ не исчерпывается. Пусть г. Григорьевъ вспомнить, что онъ говорилъ о значеніи *барства* въ нашей жизни, какъ

явленія *коренного, бытового*, при разборѣ дѣятельности Пушкина. Гдѣ-жъ это *бытовое* явленіе у Островскаго? И намекъ на него даже нѣтъ, а не безъ внутренней силы и достоинства это явленіе, – не даромъ-же явился изобразитель этого быта, изобразитель, одаренный огромнымъ талантомъ, г-жа Кохановская. Вотъ вамъ одинъ пропускъ внѣшняго выраженія народнаго духа, и конечно только прогрессивные историки могли задавать себѣ глубокомысленный вопросъ: народно-ли наше дворянство? – включая сюда не только новое дворянство служилыхъ людей, но и коренное боярство, то боярство, которое имѣло такое огромное значеніе даже въ жизни Господина Великаго Новгорода, какъ это прекрасно разъяснено г. Бѣляевымъ. И этого одного пропуска довольно; далѣе, говоря о заченіи Минина, я укажу на другой, важнѣйшій.

Теперь о внутреннемъ. Будто Островскимъ исчерпанъ весь внутренній міръ русской души? Конечно, нѣтъ. Стоитъ только развернуть лирическія сочиненія Пушкина, чтобы почувствовать на сколько онъ богаче Остров-

скаго мотивами; не только богаче, но и глубже. Гдѣ у Островскаго это спокойно-грустное, полное внутренней силы, почти эпическое впечатлѣніе народной былины и пѣсни — міросозерцаніе Пушкина, которое такъ полно и закончено выразилось напр. въ стихотвореніи: "Опять на родинѣ?" Гдѣ глубина его религіозныхъ мотивовъ? Наконецъ, гдѣ у Островскаго этотъ человѣкъ, который хочетъ жить для того, чтобы "мыслить и страдать"? Вѣдь ненароднымъ это все можетъ показаться только г. Дудышкину, изучающему народность по книжкамъ лишонному чутья живой жизни; только тому, кто видитъ въ народныхъ пѣсняхъ одни слова; тому, кого они не охватываютъ, не побѣждаютъ духовно! Все это конечно прекрасно извѣстно вашему критику, все это онъ не разъ высказывалъ, — какъ-же по временамъ онъ забываетъ это?

Вспомнимъ еще совершенно русскія отношенія Пушкина къ западной жизни. Его рыцаря, которому было видѣнье

Непостижное уму,

его Донъ-Жуана и донну Анну, его Мо-

царта и Сальери. Въдъ въ послѣднемъ произведеніи рѣшается одинъ изъ величайшихъ вопросовъ психологіи – отношеніе таланта къ генію. И какъ рѣшается! совершенно художнически, безъ малѣйшаго намека на задачу! А самъ г. Григорьевъ долженъ былъ согласиться, Бѣдная Невѣста напр. только задача глубокаго характера, а не типъ, не живое лицо. Когда-же это у Шекспира бывають задачи? Есть-ли у Пушкина хоть одна такая задача? А у Островскаго такихъ задачъ – типовъ множество: Жадовъ, учитель Ивановъ и его дочка, Вышневицкій, Вышневицкая, даже, можетъ быть, самъ Лѣвъ Красновъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ послѣднемъ ясно намѣреніе *исправить ошибку* Писемскаго въ изображеніи Ананія Яковлева. Наконецъ Досужевъ, который изъ типическаго лица въ «Доходномъ Мѣстѣ» является какимъ-то смѣшнымъ разрѣшителемъ всякихъ припятствій въ «Тяжелыхъ Дняхъ».

Посмотримъ теперь на отношеніе Пушкина и Островскаго къ изображенію нашей исторической жизни. Не будемъ говорить уже объ отношеніи Пушкина къ Петру Великому,

котораго онъ глубоко оцѣнилъ и къ которому позже онъ обратился въ Мѣдномъ Всадникѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

*О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты, надъ самой без-
дной,
На высоту, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?*

Возьмемъ *Бориса Годунова* и *Кузьму Минина* и посмотримъ на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Если намъ скажутъ, что «*Борисъ Годуновъ*» не драма, то мы и спорить не будемъ. Эпическое значеніе этого великаго произведенія указано Хомяковымъ уже давно, еще въ то время, когда Бѣлинскій развивалъ свою пресловутую теорію *квіетизма* въ русской допетровской жизни. Прибавимъ, что эта драматичность формы этого великаго эпоса весьма близка къ формѣ нашей народной былины. Какъ часто былина переходитъ въ драматическую форму и характеры рисуются преимущественно въ этой формѣ; наконецъ, въ самомъ разказѣ, какъ часто это обращеніе къ слушателямъ, это «какъ у насъ, братцы». Точно разказчикъ самъ

дѣйствующее лицо, связывающее, объясняющее то, что происходит за сценой. Въ эпическомъ характерѣ «Бориса Годунова» его сила, а между тѣмъ «Кузьма Мининъ» носитъ характеръ простого сценическаго представленія, въ чемъ, конечно, силы нѣтъ никакой. Недостатокъ въ планѣ (т. е. въ глубочайшемъ, сокровеннѣшемъ напряженіи поэтической мысли) «Минина» очевиденъ съ перваго раза; въ ней одинаковую роль, роль равнозначительную, играютъ и великое земское дѣло и щедушная любовь щедушнаго Поспѣлова къ Марѣ Борисовнѣ! Диви-бы Поспѣловъ еще сильный характеръ имѣлъ, или его любовь имѣла какое нибудь отношеніе къ земскому дѣлу, какъ любовь Андрія къ прекрасной полячкѣ въ «Тарасѣ Бульбѣ», — а то ничего этого нѣтъ; вѣдь это одинъ изъ тѣхъ лингамчиковъ, которые, по собственному сознанію г. Григорьева, такъ часто встрѣчаются въ произведеніяхъ Островскаго. А вѣдь изложеніе нѣжныхъ чувствій сего субъекта прерываетъ ходъ народныхъ приношеній; отстраняетъ земское дѣло на второй планъ.

Но — увы! — не въ этомъ главный недоста-токъ Минина; это только слѣдствіе главной ошибки, ошибки капитальной; той ошибки, которая не замѣчена ни г. Григорьевымъ, ни тѣни, которые встрѣтили Минина холоднымъ (весьма впрочемъ благоразумнымъ) молчаніемъ. Дѣло въ томъ, что Мининъ Островскаго не "есть выборный всей Земли Русской". А почему онъ не имѣетъ этого характера? Потому, что у Островскаго нѣтъ этой Земли Русской, нѣтъ этого великаго народа. Что-жъ это стадо было что-ли? Почему-же Мининъ сталь его выборнымъ? Погналь онъ его, какъ пастухъ стадо? У Островскаго выходитъ почти что такъ. Ужъ если сравнивать съ чѣмъ народъ, такъ съ чѣмъ нибудь грандіознымъ, стихійнымъ. Это скорѣе море-океанъ, волнующійся и тихій, приливающій и отливающій! У Островскаго на первомъ планѣ его Мининъ; этотъ Мининъ скорѣй распоряжается, чѣмъ служитъ народу; скорѣй народъ его слушаетъ, дѣлаетъ по его замышленію, чѣмъ онъ служитъ земскому дѣлу. Этотъ «великъ челоуѣкъ-міръ» у Островскаго на заднемъ планѣ. Личность болѣе

изъ него выдающаяся – это скупердьяй Лыткинъ, помѣха земскому дѣлу, язва народнаго дѣла, – а Мининъ поставленъ особнякомъ. Есть правда въ рѣзкомъ сравненіи г. Писарева, что постройка Минина напоминаетъ лубочныя картины, гдѣ полководецъ въ три аршина, а воины премахонькіе, въ видѣ насѣкомыхъ какихъ-то. Величіе настоящаго Минина именно въ томъ, что онъ человекъ земскій, что онъ *выборный*, въ полномъ смыслѣ этого слова; человекъ – *излѣбленный* всею Землею Русскою.

На отношеніи этого выборнаго къ излюбившему его міру – и должна была-бы основаться драма. Это наше родное отношеніе отдѣльной личности къ міру должно-бы быть на первомъ планѣ. Личность Минина крѣпка излюбившимъ его народомъ. Обратное отношеніе будетъ не народное, не русское, а западно-европейское. Такъ-ли долженъ былъ отнестись народный поэтъ, *равный Шекспиру*, какъ отнесся Островскій?

Какъ-же народъ является у Островскаго? Единственно живая сцена, это раскладка, кому сколько платитъ на общее дѣло. Но вѣдь

это дѣло чисто внѣшнее, второстепенное, и живо написать такую народную сцену ей-Богу еще не великое дѣло. А гдѣ эта питающая думы Минина струя? Что она дѣлаетъ? Она машинально повторяетъ слова воззванія Минина; нѣтъ въ ней того одушевленія, которое показывало-бы, что это волнуется народъ, что онъ освящаетъ такъ сказать думу Минина, потому что эта дума его сокровенная дума, святая святыхъ его души. О слезахъ, о покаянныхъ слезахъ народа передъ совершеніемъ великаго дѣла *только* *разсказывается!* Наконецъ, ради канареичныхъ чувствій Поспѣлова этотъ народъ отодвигается на задній планъ.

Но можетъ быть скажутъ, что Островскій не нашолъ въ источникахъ дѣяній этого народа. Плохо-же онъ смотрѣлъ. Да вотъ вамъ дѣло; оно и въ пятомъ актѣ Минина является, только въ ложномъ свѣтѣ. Мининъ беретъ весь народъ въ кабалу, требуетъ отъ него записи. Какъ-же это выставляется Островскимъ? Слабо съ обоихъ сторонъ, и со стороны Минина, и особенно со стороны народа. Мининъ Островскаго не вѣритъ народу, боится,

что народъ отступится отъ дѣла своего освобожденія и только. Конечно, Мининъ Островскаго въ пятомъ актѣ выигрываетъ со стороны полноты изображенія, со стороны жизненности типа, выступаетъ на видъ то, что это купецъ, даже отчасти кулакъ, — но умѣстно-ли же здѣсь? Не умѣстнѣе-ли эти черты были раньше вмѣсто лирическаго восторга Минина, который выдержанъ только въ двухъ мѣстахъ (въ монологѣ 2-го акта и въ одномъ рассказѣ о явленіи Св. Сергія)? Тутъ-то, въ этомъ пятомъ актѣ, особенно ясно, что Мининъ Островскаго не выборный, а распорядитель народа; что онъ на него смотритъ, какъ на средство, какъ на стадо. Недовѣріе Минина, по нашему, въ данномъ случаѣ проистекало изъ сознанія великости дѣла и это недовѣріе къ народу имѣло источникомъ своимъ не одно убѣжденіе, что онъ лучше всѣхъ сдѣлаетъ требуемое, но и любовь къ народу, а этого-то послѣдняго въ 5-мъ актѣ и нѣтъ. Въдѣ это кулачество — высокая черта; она показываетъ сознаніе громадности дѣла. Но гораздо важнѣе то обстоятельство, что *добровольнаго* подчиненія народа, его самопожертвованія —

нѣтъ; оно является какъ будто вынужденнымъ упорствомъ Минина, но, конечно, не таково оно на самомъ дѣлѣ. Это согласіе народа дать на себя запись – великое дѣло; оно показываетъ глубокое сознаніе важности дѣла, здѣсь, для исполненія задуманнаго дѣла, народъ жертвуетъ *всѣмъ*; онъ добровольно вполне подчиняется своимъ излюбленнымъ людямъ. А это у Островскаго все происходитъ за сценой; онъ искусно *обошолъ* изображеніе этой великой минуты, какъ и во все продолженіе хроники не менѣе искусно обходитъ изображеніе народа. Въ этомъ, по нашему, главная ошибка всей хроники; отъ этого Мининъ не является *выборнымъ* Земли Русской; исчезаетъ глубокой смыслъ самаго событія.

Конечно, въ "Борисъ Годуновъ" захватъ гораздо шире. Стоитъ припомнить только заключительныя слова этой великой эпопеи это глубокознаменательное: "народъ безмолвствуетъ", чтобы понять какое значеніе народный поэтъ придаетъ этому безмолвствующему народу. А главное то, что этотъ народъ составляетъ фонъ, основу всего эпоса; онъ, хотя

и вездѣ осязательно, – главное дѣйствующее лицо въ ней. Скажутъ, что многія мѣста у Островскаго *колоритнѣе*, напр. даже самый языкъ – Богъ знаетъ такъ-ли! [2] Припомнимъ отца Пимена, рассказъ патріарха о чудѣ у гроба царевича Димитрія, наконецъ Юродиваго, который поглубже изображонъ, чѣмъ юродивый Островскаго. А польскіе паны, а Марина! И у каждаго свой языкъ; свой свойственный колоритъ. Притомъ колоритность не главное свойство. И Рафаэля упрекаютъ въ недостаткѣ колоритности, а тѣмъ не менѣе онъ величайшій живописецъ-художникъ, а не колоритный Тиціанъ. Кстати: Если кого изъ поэтовъ можно сравнять съ Рафаэлемъ, то ужъ конечно Пушкина. Въ душѣ Пушкина носился высочайшій идеаль нравственной красоты. Конечно, независимо отъ главной ошибки Островскаго, въ его хроникѣ остается много прекрасныхъ подробностей, напр. сцены съ Марьей Борисовной.

И не только съ "Борисомъ Годуновымъ" нельзя поставить на равнѣ "Кузьму Минина", но даже съ 3-мъ и 4-мъ актомъ "Псковитянки" Мея. Эти два акта безъ сомнѣнія можно раз-

смаатривать, какъ одно геніальное цѣлое, какъ трагедію о "Послѣднемъ Вѣчѣ." Вотъ гдѣ народъ является живымъ лицомъ, со всѣми своими великими достоинствами и недостатками; то вырастающій въ грознаго мужа, то слабый, какъ ребенокъ. И что самое главное: народъ у Мея есть фонъ, основа, и на этой-то основѣ, какъ узоры ткани, встаютъ образы и смѣлаго Михайлы Тучи, его товарища Четверки и всей скопляющейся около нихъ вольницы, и стараго посадника Михайла Илларионовича, съ его безнадежно-грустной рѣчью, и слабаго князя Токмакова. И всѣ эти выдающіяся изъ народа лица кровными, органическими нитями связаны съ нимъ; видно почему народъ *излюбилъ* ихъ и почему вольница излюбила Тучу.

По стопамъ Пушкина должна идти наша поэзія, а не противъ него. Припомню еще важное замѣчаніе, и совершенно справедливое, высказанное П. В. Анненковымъ въ его отвѣтъ Павлову, по случаю памятной бури изъ за "Грозы", именно, что Островскій, по мимо его художественной дѣятельности, важенъ для насъ въ отношеніи *этнографиче-*

скомъ. Типы всякаго великаго поэта до того ясны и прозрачны, что этнографическаго значенія для своихъ современниковъ-соотечественниковъ имѣть не могутъ.

Этихъ сравненій, кажется, достаточно для показанія какое мѣсто занимаетъ Островскій относительно Пушкина; постараемся теперь опредѣлить это мѣсто по отношенію къ Гоголю и Грибоѣдову. Мнѣ кажется, что и въ этомъ случаѣ Ап. Ал. Григорьевъ перешоль должную грань.

Самъ-же г. Григорьевъ прекрасно разъяснилъ, что есть два рода комедій: *комедія сатира* и *комедія бытовая*.

Первая имѣетъ своимъ прототипомъ Аристофана; вторая Шекспира. Не споримъ, что важно опредѣлить: какая комедія принадлежитъ къ этому изъ двухъ типовъ? Не станемъ также, подобно нѣкоторымъ, рассказами объ анекдотахъ, случившихся съ нашими пріятелями, доказывать, что "Ревизоръ" есть комедія бытовая; согласимся, что это комедія сатира. Но что же изъ этого? Неужели мы станемъ унижать одинъ родъ комедіи передъ другой? Оба они равно велики и равно худо-

жественны. Вѣдь самъ Ап. Ал. Григорьевъ посмѣется надъ тѣмъ, кто станетъ отвергать комедіи Мольера, даже надъ тѣми, кто будетъ кавалерски относиться къ Корнелю и Расину. За чѣмъ-же онъ отдаетъ предпочтеніе одному роду передъ другимъ, Островскому передъ Гоголемъ. Замѣчу кстати, что Гоголь въ тоже время великій *бытовой* писатель и истинный заправскій поэтъ по отношенію къ Малороссіи; тутъ нечего ссылаться на мнѣніе г.г. Кулиша и КР — они выдумали себѣ малороссійскаго *обще-человѣка* и гнутъ все на свою мѣрку. Имъ и битва въ «Тарасъ Бульбѣ» не нравится, хотя она прямо, кровно связана съ малороссійскими народными историческими пѣснями!

Наконецъ, есть у насъ великая бытовая (хотя и не народная, а барская) комедія Грибоѣдова. Мнѣніе Бѣлинскаго объ отношеніи Гоголя къ Грибоѣдову должно быть принято совершенно обратно. Что-же, будто комедіи Островскаго выше комедіи Грибоѣдова по замыслу и исполненію? Конечно, нѣтъ, Островскій не касался даже той сферы, которой коснулся Грибоѣдовъ; у него

нѣтъ своего Чацкаго, а самъ-же г. Григорьевъ такъ прекрасно доказалъ, что Чацкій *единственное* истинно-героическое лицо (хотя не русское)[3] во всей нашей литературѣ. Кромѣ, прибавимъ, того, который хотѣлъ жить для того чтобъ мыслить и страдать, кромѣ самаго Пушкина въ его лирическихъ стихотвореніяхъ.

И настолько этотъ герой, явившійся какъ поэтъ, выше Чацкаго, который въ концѣ концовъ идетъ не къ "умному и доброму народу", а искать по свѣту

*Гдѣ оскорбленному есть чувству
уголокъ!*

Значеніе писателя, по нашему, опредѣляется правильнымъ отношеніемъ критики къ его произведеніямъ. Г. Григорьевъ, исходя изъ вѣрнаго принципа, по отношенію къ Островскому, развилъ его слишкомъ односторонне; онъ видѣлъ передъ собой одного своего любимаго писателя, забывъ, что сравнительно-физиологическій пріемъ одинъ изъ могущественныхъ пріемовъ органической критики, и пренебреженіе имъ ве-

детъ неминуемо къ страшнымъ ошибкамъ.

Русскій Шекспиръ! Назвать Шекспиромъ живаго писателя, не достигшаго еще полного раскрытія своихъ силъ, — значитъ, по нашему, кровно обидѣть его. Хорошо еще, что Островскій дарованіе окрѣпшее, а что если бы въ своемъ одностороннемъ увлеченіи г. Григорьевъ примѣнилъ этотъ эпитетъ къ дарованію не столь сильному? Печальныя были-бы послѣдствія. Сталь-бы такой писатель валить все съ плеча; у меня дескать все хорошо выйдесть: "я ровень Шекспиру"? Еслибъ Островскій былъ дѣйствительно Шекспиромъ, то у него была-бы своя, до того опредѣленная фізіономія, что не зачѣмъ было-бы называть его такъ. Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ, Гоголь — вотъ имена не нуждающіяся въ эпитетахъ, не нуждающіяся въ томъ, чтобъ ихъ называли Шекспирами. Они сами по себѣ; назвать, и довольно: всякій знаетъ о комъ идетъ рѣчь. Пушкинское міросозерцаніе, Байроновское міросозерцаніе — это ясно. Но міросозерцаніе Шекспира, не настоящаго Шекспира, а дѣланнаго русскаго — это что-то странное. Да и

манера Островскаго нисколько не похожа на Шекспировскую, и этимъ оправдать сравненія нельзя.

Между тѣмъ, неправильное отношеніе къ такому огромному таланту, какъ Островскій, влечетъ за собой неминуемыя неправильныя отношенія ко всѣмъ литературнымъ дѣятелямъ. Притомъ, вотъ еще чего страшусь я въ данномъ случаѣ: мы боимся не есть-ли это пристрастіе къ *послѣднему новому слову*? Тутъ предстоитъ въ такомъ случаѣ великая опасность. За увлеченіемъ *новымъ*, можетъ послѣдовать увлеченіе *новѣйшимъ*. Все это поведетъ къ необыкновенной запутанности мнѣній вашего критика. Но будемъ надѣяться, что такой опасности нѣтъ.

Самъ-же г. Григорьевъ навѣрно посмѣялся бы отъ души надъ тѣмъ, кто не захотѣлъ-бы признавать романсовъ Глинки потому, что въ романахъ Даргомыжскаго много *своихъ*, *незнакомыхъ намъ* по Глинкѣ красотъ. Или кто въ увлеченіи Юдиною Сѣрова сталъ бы говорить противъ оперъ Глинки.

А не то-ли же дѣлаетъ онъ самъ, называя Островскаго величайшимъ изобразителемъ

нашего народнаго духа? Безъ сомнѣнія, въ произведеніяхъ Островскаго много новаго, оригинальнаго; безъ сомнѣнія заслуги его, какъ драматурга, велики, — но нельзя-же на все смотрѣть сквозь призму его произведеній?

Островскій еще далеко не развернулъ всѣ свои силы. Мы вправѣ ожидать отъ него произведенія, гдѣ всѣ лица будутъ изображены съ той-же поэзіей, съ тѣмъ-же увлеченіемъ, съ той-же смѣлостію какъ напр. Дуня въ "Бѣдной Невѣстѣ", или Груша въ "Не такъ живи, какъ хочется"?

Кчему стараться скрашивать недостатки Островскаго? Кчему блѣдность изображенія Бориса въ "Грозѣ" оправдывать тѣмъ, что надо-же Катеринѣ въ кого-нибудь влюбиться? Кчему не сказать прямо, безъ всякихъ оговорокъ, что изображеніемъ Досушева въ "Тяжелыхъ Дняхъ" Островскій пошолъ назадъ противъ изображенія этого-же Досушева въ "Доходномъ Мѣстѣ"? Будто Островскій нуждается въ подобныхъ *поощреніяхъ*? Скорѣй, напротивъ, ему необходимо строгое осужденіе его недостатковъ. Характеръ Бальзамина, явившійся эскизно въ первыхъ двухъ частяхъ

трилогіи, въ третьей дорось до живого, типическаго изображенія. Отчего же не тоже произошло съ Досужевымъ? Не будетъ-ли признаніе Островскаго русскимъ Шекспиромъ своего рода *идоложертвенной требой*? Какъ въ такомъ случаѣ г. Григорьевъ станетъ говорить о пристрастіи «Дня» къ г-жѣ Кохановской?

Вотъ что давно хотѣлось высказать мнѣ. Я самъ люблю Островскаго; люблю его – скажу откровенно – больше всѣхъ русскихъ писателей, послѣ Пушкина. Я выставилъ выше Голя и Грибоѣдова, но они собственно въ сравненіе не идутъ. Мнѣ хотѣлось только показать, что Гоголь имѣетъ свое опредѣленное значеніе; русскій быть изображался имъ единственно отрицательно; онъ не бытовой писатель русскій; положительныя попытки во 2-й части "Мертвыхъ Душъ" положительно не удались. И что главное, на чемъ нагляднѣе всего рѣшается вопросъ о бытовомъ писателѣ, – Гоголь не могъ даже эскизно нарисовать ни одного образа *русской* женщины. Грибоѣдовъ также занимаетъ мѣсто исключительное; это скорѣе стремленіе, чѣмъ

достиженіе; въ Грибоѣдовѣ, какъ и въ его Чацкомѣ, важно *неясное еще* уваженіе къ народу и нашей старинѣ. Но Чацкій уходитъ, въ концѣ концовъ, на Западъ. Я выставилъ его единственно для опредѣленія *объема* таланта Островскаго.

За что-же я люблю такъ горячо Островскаго? За то, что онъ русскій бытовой писатель. Люблю его за поэзію, которая часто брызжетъ живой струей въ его комедіяхъ. За его женщинъ, за его Дунь и Грушъ, за его масляницу и главное, что особенно приходитъ на умъ по поводу этой масляницы, — за попытку идеала, за попытку положительныхъ формъ русской красоты, которая только еще брезжится нашимъ поэтамъ, какъ ранній утренній свѣтъ прекраснаго грядущаго дня, но которая еще далеко не настала въ искусствѣ, хотя мы и имѣли Пушкина, и ждетъ для этого большой отъ насъ вѣры въ себя и въ наши русскія силы и великаго будущаго русскаго генія, если мы только заслужимъ его у Бога. Люблю я, наконецъ, Островскаго за его правильныя, художественныя отношенія даже къ *задачамъ*, даже къ неудавшимся типа-

мъ, кромѣ Минина. Да и какъ мнѣ не любить его! Я самъ изъ того сословія, изображенію котораго Островскій посвятилъ свою лучшую дѣятельность. Пусть говорятъ, что онъ обличилъ купечество. Мы гордимся этимъ обличеніемъ. Пусть говорятъ, что мы самодуры; мы знаемъ что и въ Китѣ Китычъ есть смиреніе передъ правдой, что и онъ, безобразникъ, поклонился самъ своей волей и совѣстью, изъ смиреннаго стыда передъ правдой, учителю Иванову. Только учитель-то, къ несчастію, не понялъ этого. Не понимаютъ и наши литературные учителя, какъ не понялъ и очень умный изъ нихъ Добролюбовъ. Пусть, пусть говорятъ, что мы Темное Царство, — изъ этого темнаго по вашему царства вышелъ великій выборный всей земли Русской!

Одинъ изъ почитателей Островскаго.

Примечания

Наше мнѣніе – это никому даже и въ голову не придетъ сопоставлять Островскаго съ Шекспиромъ или Пушкинымъ, не смотря на все значеніе Островскаго въ нашей литературѣ. Но такъ-какъ по поводу этого сопоставленія авторъ статьи говоритъ довольно любопытныя и дѣльныя вещи, – то мы и помѣщаемъ всю его статью цѣликомъ и допускаемъ условно возможность?подобныхъ вопросовъ> и сопоставленій. *Ред.*

[^^^]

Объ этомъ и вопроса не можетъ быть. Пушкинъ угадалъ самую основную суть того, что народъ нашъ считалъ и считаетъ за самую высшую нравственную красоту души человѣческой; это – тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбіе* – если такъ можно выразиться: Что-то младенчески-чистое и ангельское живетъ въ представленіи народномъ о томъ, что народъ считаетъ своимъ нравственнымъ идеаломъ. Этою кротою, смиренною и ничѣмъ непоколебимою любовью проникнута у Пушкина русская рѣчь въ Годуновѣ. Далекое не такъ у Островскаго. *Ред.*

[^^^]

Почему-же *нерусское*? Или все, что у насъ есть оторваннаго цивилизаціей отъ народнаго быта, — уже не русское? Напротивъ типъ Чацкаго только и дорогъ намъ тѣмъ, что это изображеніе *русскаго*, оторваннаго отъ народнаго быта. Иначе, что-жъ бы онъ для насъ значилъ? Это доказывается отчасти уже симпатичностью для насъ этого типа и непрерывною его повторяемостью въ нашей литературѣ. *Ред.*

[^^^]